

«ЭТО ОСОБЫЙ ДАР» (ОТКРОВЕНИЯ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДЧИКА)

Его арестовал полицейский из службы МТА на станции метро, как только он прошел через турникет. Он даже не мог спросить полицейского, за что, потому что приехал в Нью-Йорк недавно и по-английски не говорил. А тот все более распалялся и, недолго думая, вызвал по рации помощника. Вместе они надели на него наручники, вызвали машину и повезли в отделение полиции метро. Там его посадили за решетку, через которую было видно, как арестовавший его полицейский, судя по всему, живописал дежурному, как здорово он сумел задержать 60-летнего преступника. Как выяснилось позже, преступник заметил возле входа в метро на тротуаре метрокарточку необычного вида, поднял ее и решил попробовать зайти по ней в метро. На удивление, она сработала, но, как потом оказалось, была студенческой, т.е. льготной, а человек, учитывая возраст, на студента не был похож.

Ему велели отдать шнурки с туфель и ремень и, по-прежнему ничего не объясняя, оставили ждать. Прошло часа два, было уже около четырех, когда за ним пришли двое уже других полицейских, которые отвезли его теперь уже в городской полицейский участок и там, еще раз составив протокол, посадили в камеру-одиночку. Когда полицейский участок закрылся, закончив работу, дежурный милостиво разрешил преступнику позвонить жене и сообщить номер участка, объяснив задержанному, что его ждет суд, но сегодня суды уже закрылись и будут только завтра, а ночь ему придется провести в участке.

В эту ночь участок работал на полную катушку: то и дело привозили каких-то наркоманов, бомжей, окровавленных и тому подобных задержанных. Камер-одиночек не хватало, и в каждой было по два, а то и по три человека. Где-то орали, где то пели, шумела вода в унитазах – о том чтобы хоть на час сомкнуть глаза, не было и речи. А утром всех заключенных – их было человек 20 – вывели на плац, приковали наручниками к одной цепи и повезли в суд. Когда стали вызывать арестованных в зал суда, человек стал покорно ждать своей очереди. Но близилась середина дня, и он стал понимать, что его дело рассмотреть сегодня могут и не успеть, и тогда ему грозит еще одна ночь в камере. Об этом страшно было даже подумать, и он, поймав проходившую мимо служившую здесь женщину, как-то попытался объяснить ей ситуацию. На этот раз ему повезло – женщина поняла, что ему нужен переводчик. Кому и как она это обьснила, он так никогда и не узнал. В зал суда его вызвали предпоследним – когда приехал вызванный судьей переводчик. Дело слушалось минут пять-семь. Из того, что там в эти минуты происходило, он запомнил только одно слово, произнесенное по-русски переводчиком: «Невиновен!»

Переводчиком была Инна Богачинская.

Инну Богачинскую русскоговорящая община Нью-Йорка хорошо знает, прежде всего, как талантливого поэта, самобытного прозаика, автора нескольких сборников стихов и прозы, но мало кому известно, что она еще и высококлассный судебный переводчик в американских судах, и не только в них...

Как же быть, если судимый человек, в нашем случае русскоговорящий, не знает английского? По американскому законодательству при рассмотрении в суде любого дела, будь то гражданское или уголовное, любой тяжбы, - если родной язык судимого человека отличается от английского, суд обязан предоставить ему переводчика, даже если это язык какого-нибудь африканского племени или затерянного в горах Азии народа. Конечно, до таких крайностей дело обычно не доходит, но, как показывает практика, русскоговорящие подсудимые в американских судах отнюдь не редкость, и в этих случаях, понятно, необходим переводчик. Но даже в тех случаях, когда подсудимый говорит, что понимает английский, судьи обычно настаивают, чтобы присутствовал официально назначенный судебный переводчик. В противном случае подсудимый всегда имеет право заявить, что он не понял в решении суда пусть даже одного слова, и тогда весь процесс аннулируется и начинается заново.

Любой ли человек, владеющий английским, может стать судебным переводчиком? Может ли подсудимый сам пригласить человека, знающего английский на уровне повседневного общения, переводить ему процесс судопроизводства? Какова ответственность переводчика за то, какое решение принимает в конечном счете суд?

Подобные вопросы возникают на практике в довольно большом количестве и не так редко, как может показаться. А ответить на них лучше всего может, наверное, опытный судебный переводчик.

И первый мой вопрос к Инне Богачинской:

- Есть много переводчиков, но каждый ли может работать в суде?

- То, что я скажу с самого начала, покажется, возможно, парадоксальным, но я считаю, что в мире все непереводаемо! Я даже написала такое эссе: «Слово о непереводаемости», где утверждаю, что «в совершенстве» человек не может знать не только чужой язык, но даже и свой собственный. Даже разговаривая на одном языке, каждый из нас имеет свою собственную характерную лексику, свою манеру выражаться, игру глаз, мимику. Нам нужны определенные языковые усилия, чтобы чувствовать себя комфортно даже в своей языковой среде. А как часто люди говорят одно, думают другое, а делают третье! В разговоре нужно ощущать эти дополнительные коммуникационные каналы, а тем более при переводе. Но этими, природой данными свойствами наделены не все. Быть переводчиком – особый дар, здесь мало одного профессионализма. Нужно еще обладать искусством сиюминутной реакции.

Если же речь идет о тех случаях, когда от адекватного перевода зависит участь человека, как это бывает в суде, требования к качеству и точности перевода многократно возрастают. Нужно уметь раствориться в другом человеке, или иначе – превратиться в особый прибор: человек нажал кнопку и получил однозначный отклик. А потом нужно еще придать отклику удобоваримую форму на языке, на который переводишь. Это очень трудно, и очень мало переводчиков обладают этими способностями. Среди русскоговорящих переводчиков таких буквально единицы.

Когда судьи или адвокаты спрашивают меня: «Вы готовы?», я отвечаю, что готова всегда, могу переводить, даже если меня подвешат головой вниз.

Инна родилась в Москве, училась в английской школе, закончила английский факультет Одесского университета, последние 30 лет живет в Нью-Йорке. Максимализм по отношению к чистоте языка и, соответственно, перевода выделяет ее среди многочисленных неряшливых ремесленников. Инна также не воспринимает тех наших соотечественников, которые, прожив в Америке 3-4 года, жалуются: «Ох, нам говорить по-русски уже трудно» и начинают разговаривать на какой-то варварской смеси. Зачастую в суде эти люди отказываются от переводчика, что обычно не приветствуется. Более того, они сами интересуются тем, как стать судебным переводчиком.

В суд нельзя привести своего знакомого переводчика. По требованию судьи, адвоката или прокурора переводчик должен предоставить специальный переводческий отдел, в котором есть списки лицензированных судебных переводчиков.

Судебный переводчик должен, прежде всего, иметь соответствующий сертификат. Служебная инструкция требует от судебного переводчика дословного перевода. Если, допустим, подсудимый, рассказывая о дорожно-транспортном происшествии, говорит: «И тут две машины друг с другом ба-бах!», переводчик должен перевести и этот «ба-бах».

- А вам приходится переводить ненормативную лексику?

- Она встречается довольно часто. Как известно, русский мат – самый изощренный. Лично я не выношу не только мат, но и любой жаргон. Однако все это надо переводить. Более того, в делах по семейному насилию иногда приходится переводить такие скабрзные и интимные подробности, что порнография может отдыхать.

- Инна, скажите, что если подсудимый – не русский, а узбек, грузин, азербайджанец или еще кто-то, для кого русский язык хотя и не родной, однако привычный и понятный. Для таких людей вам разрешается переводить?

- Как правило, разрешается, хотя между собой они, особенно латыши, латвийцы, говорят все-таки на родном языке. Был такой случай, когда подсудимым оказался татарин, не говоривший по-русски. В виде исключения мне разрешили привести в суд мою знакомую татарку, знающую русский, и с помощью такого двухступенчатого перевода вышли из положения, хотя татарка, понятно, лицензии не имела.

Работа судебного переводчика в некотором смысле похожа на «скорую помощь». Его могут вызвать в суд в любое время суток, даже не дав возможности подготовиться. Поэтому их «мобильник» всегда наготове.

- А можно ли отказаться?

- Можно, поскольку я не состою в штате.

В какой-то момент Инне, имеющей весьма положительную репутацию, предложили стать штатным переводчиком – такая должность есть в крупных судах. Но, подумав, она отказалась.

- Понимаете, как это ни высокопарно звучит, но я всегда и во всем выбирала Свободу. Это мое главное направление на всех магистралях моей жизни.

- А ночью тоже бывают суды? Какая в этом необходимость?

- Как известно, в жизни, почище, чем в мыльной опере, встречаются всякие правонарушения и преступления, как например, воровство, домашнее насилие,

пьяный дебош и т.п. Если арестованному обвинение не предъявляется в течение определенного времени, оно теряет силу. Такие инциденты бывают довольно часто, особенно в период праздников, так что ночная работа у меня – не редкость! А совсем недавно меня вызвали в тот момент, когда я сидела в кресле у зубного врача...

- И вы поехали?

- Конечно! Я обычно не отказываюсь ни от какой работы. Кроме того, осознаю ответственность перед теми, кто попал в беду. Иногда это может произойти случайно. Вечером или ночью у такого человека связь с миром возможна только через переводчика, и только на его помощь он может рассчитывать. Зачастую на переводчика смотрят как на близкого родственника или врача. Иногда даже просят 25 центов, чтобы позвонить домой близким и сообщить о себе.

- Бывали ли случаи, когда вы не могли чего-то перевести? Например, когда это специальная автомобильная терминология, если речь идет о ДТП, или медицинская, когда слушается дело о врачебной ошибке?

- У меня большой опыт, и потому таких случаев у меня не было. Но самообразованием приходится заниматься постоянно. Более сложны другие ситуации, когда одновременно говорят судья, прокурор, адвокат, и нужно все увидеть, услышать и синхронно перевести. Но здесь мне помогают журналистский опыт и личностные качества – для меня не составляет труда общаться на равных с любым человеком. Я могу остановить процесс, сказав, допустим, судье: «говорите громче» или «внятнее».

Был такой случай, когда уже после суда один вальяжный, маститый судья, человек, как мне сказали, очень богатый, одобрительно заметил: - *You are a persona!* - на что я ответила: «Увы, это все, чем я богата!» «Но это совсем не мало!» - возразил он под общий смех присутствующих.

Обычно у меня складываются хорошие отношения с судьями и адвокатами, хотя судьи часто ведут себя как монархи. Найти же высокопрофессионального, умного, да еще человеческого адвоката – это как выиграть в лотерее!

Иногда, особенно в так называемых судах малых тяжб, когда бывает очень трудно установить, кто прав, судьи советуются со мной, понимая, что я хорошо ориентируюсь в психологии «русских».

Нередко Инне приходится бывать как переводчику не только в суде, но и в тюрьме и даже в психбольницах. Вот совсем недавний случай: к Н* домой пришла патронажная медсестра, а он набросился на нее и избил так, что ей даже пришлось наложить швы. Его посадили в КПЗ, и туда пригласили психиатров, адвокатов и психологов, чтобы выяснить, можно ли ему предъявлять обвинение как человеку вменяемому. Попросили Н* объяснить, как это произошло. «Приходит она ко мне, - рассказывает Н*, - и говорит: «Дай деньги!», а я ей показываю фигу - вот тебе!». Но американцы не понимают, что значит «показать фигу», и Инне пришлось объяснять и показывать им, что это значит.

- Этот Н* находился в тюрьме довольно долго. И до меня с ним пытались договориться с помощью других переводчиков, но он вел себя с ними агрессивно. Говорят, у меня энергетика хорошая, и потому я нахожу общий язык со всеми, даже с самыми неконтактными и неуправляемыми подсудимыми.

- Скажите, Инна, есть ли такие дела, которые характерны именно для русскоговорящих нарушителей?

- Мне трудно сравнивать «наши» дела с другими: китайскими, испанскими или еще какими-то, потому что в другие я просто не вникаю – сижу в суде и жду своей очереди. Но могу сказать, что дела наших соотечественников – это, как правило, домашнее насилие, разводы, наркотики, вождение машины в нетрезвом состоянии, кражи. Очень непросто работать, когда, например, обвиняется молодой человек, а в суде находятся его несчастные родители. Хочется им, по возможности, помочь, а с некоторыми возникают даже теплые отношения, которые поддерживаются и впоследствии.

В ходе одного судебного разбирательства выяснилось: подрались два брата, один каким-то образом поджег другого, и тот очень сильно обгорел. Несчастливая мать была вынуждена вызвать полицию, после чего обгоревший попадает в госпиталь, а его брат – в тюрьму. Пострадали оба сына, и в этой ситуации их маму можно было только пожалеть. Она это оценила, а потом, в ходе разговора, оказалось, между прочим, что она любит и знает мои стихи.

Психологически трудными бывают и дела о разводах, когда муж и жена порознь говорят мне друг о друге всякие гадости. Я пытаюсь, в меру своих сил, примирить их. В некоторых семьях мужья поколачивают своих жен, даже в присутствии детей, и в определенной среде это даже не считается домашним насилием: «Подумаешь, ну толкнул я ее раз!». Такие разговоры возможны, конечно, только пока мы находимся в зале ожидания. В суде приходится быть нейтральной и бесстрашной. Но как будешь бесстрашной в таком, например, деле. Бракоразводный процесс. Очень богатые, но малообразованные люди делят имущество. Кажется, жена отсудила у мужа уже все, что можно: ей достался дом и все имущество. Муж забрал только свои фотографии. Но когда уже, наконец, документ о расторжении брака был подписан, решение суда оглашено, эта бывшая жена заявляет: «А он еще обещал, если я подпишу бумаги о разводе, подарить мне дорогой бриллиантовый ювелирный комплект украшений».

Эмоционально очень трудными бывают дела о врачебных ошибках. Например, женщине изуродовали лицо так, что помочь ей уже нельзя. В таких случаях мне как переводчику приходится прикладывать усилия, чтобы от волнения не сорвался мой голос, чтобы сохранить эмоциональное равновесие. Попадают и аферисты, например, такие, что не платят за квартиру. Их через несколько месяцев выселяют в принудительном порядке, но взыскать деньги не могут, поскольку по документам они, как правило, числятся малоимущими. А через некоторое время эти «малоимущие» снова находят хозяев-простачков, и все повторяется.

- А бывает в вашей практике, когда на чем-то попадают люди, скажем так, известные?

- Да, такие случаи есть. Но я вам лучше расскажу не о них, а о случае курьезном. Один, казалось бы, добропорядочный человек был заподозрен в связи с проституткой. Я не знаю, соответствовало ли это действительности, но до того, как предстать перед судьей, он умолял меня: «Скажите им, чтобы они (судья, адвокат, прокурор) говорили шепотом, здесь сидят мои жена и дети, они могут услышать!»

Бывают и трагические случаи: один подсудимый неожиданно набросился на офицера суда и травмировал его так, что тот несколько месяцев не выходил на работу. Так что и такие эпизоды приходится видеть и поневоле в них участвовать.

- Инна, всякий раз, находясь на работе, вы сталкиваетесь с конфликтом, часто человеческой драмой или даже трагедией. В такой ситуации можно ли говорить, что работа приносит вам удовлетворение?

- Я люблю свою работу. Она мне интересна, и я реально могу помочь людям. Для себя я свою работу сравниваю с практикой Шерлока Холмса, и вот в каком смысле: когда в его жизни не находилось какой-то перчинки, он угасал, курил свой наркотик, играл на скрипочке. Я не курю, не балуюсь наркотиками, не играю на скрипке, но когда меня вызывают на какое-то интересное дело, во мне загорается искорка, я вовлекаюсь в действие, и ощущаю себя на подмостках, где разыгрываются человеческие трагикомедии. А баталии в суде бывают такие, что и Шекспир бы позавидовал сюжетным поворотам. Недаром ведь он считал, что «мир - театр, а люди в нем – актеры». Хотелось бы только, чтобы кажущиеся неразрешимыми конфликты все же разрешались на принципах Добра и Любви. Но пока это, увы, из области ненаучной фантастики...

Наш с Инной разговор затянулся до позднего вечера. А когда мы уже заканчивали, зазвонил «мобильник» - ее вызывали в суд...

Виталий Орлов
г. Нью-Йорк